

С. РАДЛОВ

Художественный руководитель театра им. Ленинградского совета, орденоссец.

Наш творческий самоотчет

Театр имени Ленинградского совета, начавший вчера свои гастроли в столице Советской Белоруссии, — подлинное детище советской власти, советской культуры. Все его работники, начиная с художественного руководителя, начали свою сценическую деятельность уже после Октябрьской революции, а основной состав актерского коллектива — это люди, окончившие свою учебу десять и менее лет тому назад. Возникший первоначально, как учебно-производственная площадка театрального училища, театр этот последовательно именовался сперва «Молодым театром» при театральном училище, затем «Гостеатром под руководством Радлова» и, наконец, теперь, два месяца тому назад, ему присвоено почетное имя Ленинградского совета.

Среди театров и театральных деятелей Ленинграда, которых недавно отметило наше правительство высокими наградами, — несколько артистов нашего театра, получившие звание заслуженных артистов, едва ли не самые молодые из награжденных. Это отмечает быстрый рост актерского мастерства, которым ознаменовалась жизнь актерского коллектива нашего театра.

Этот быстрый рост объясняется, кроме общих наших условий советской культуры и огромной тяги к культуре советского зрителя, еще и тем особым и важнейшим обстоятельством, что почти с первых шагов нашей театральной жизни мы избрали нашим главным учителем того величайшего в мире драматурга, у которого наставлял учиться советских писателей и советских актеров величайший наш пролетарский классик А. М. Горький. С той изумительной, ему одному свойственной способностью к самой резкой самокритике, самому резкому недовольству своими собственными произведениями, которая так была характерна для Горького, он готов был видеть в замечательной своей драматургии, в своих глубоких и правдивых пьесах один лишь их композиционные и драматургические недостатки и не уставлял повторять, что учиться надо не у него, а у гениальнейшего из драматургов мира — у Вильяма Шекспира. Думаю, что мы не исказим его заветов, если попытаемся в нашей советской театральной культуре учиться и у того и у другого!

Сейчас в нашем репертуаре три из величайших трагедий Шекспира: «Гамлет», «Ромео и Джульетта» и «Отелло». Но то, что в нашем репертуаре одновременно существуют три таких сложнейших постановки, является результатом очень длительного и упорного труда, так как и «Ромео и Джульетта», и «Отелло» (эту постановку нам удалось, к сожалению, показать только в Бобруйске) — это вторые редакции спектаклей, т. е., в сущности говоря, совершенно новые постановки после того, как театр как бы перерос, забросал и отбросил первые варианты. Я думаю, что не будет с моей стороны излишней самоуверенностью сказать, что эти наши работы над Шекспиром параллельно с двумя постановками, которые я осуществил в Москве («Отелло» с народным артистом Остужевым в Малом театре и «Король Лир» с народным артистом Михоэлсом в Московском Гостете), явились одним из существенных факторов в деле распространения того огромного интереса к Шекспиру в нашей стране, который так ярко проявился в дни недавних шекспировских празднеств и так резко контрастировал с отсутствием сколько-нибудь глубокой заинтересованности в его творчестве в буржуазных странах.

Каковы же были основные мысли и чувства, которые питали нашу любовь к Шекспиру, начиная с того момента, когда в 1931 году мы впервые приступили к работе над нашей первой постановкой? Шекспир дорог нам как величайший знаток человеческого сердца и всех скрытых огромных возможностей человеческой души и человеческой мысли. Шекспир дорог нам как неустанный борец за лучшие, правдивые, гуманистические идеалы человечества, как страстный и ясный обличитель всего лживого, лицемерного, коварного, с чем так много приходилось ему сталкиваться в Англии его времени, с тем, против чего и ныне борется все лучшее, прогрессивное человечество в наши дни.

Больше трехсот лет отделяют нас от Шекспира. Казалось бы, его пьесы требуют особой техники, отличной от того, что нужно современному актеру. На самом деле это не так. Играть Шекспира — это лучшая школа, которая может научить актера пламенно мыслить и никогда не спускаться в искусство до натурализма мелкой и повседневной жизни. Вот почему актерам, воспитанным на Шекспире, было легко и радостно попробовать свои силы и на драматургии нашего великого Горького. Первую годовщину со дня смерти писателя театр отметил постановкой «Вассы Железновой» — одной из самых замечательных его драм, в которой с такой проникновенной силой и убедительностью показывается неизбежная гибель обреченного на умирание класса, как бы сильны, находчивы и цепки ни были отдельные его представители.

Шекспир — это школа для воссоздания героически сильных страстей. Вот почему естественно, что театр искал и в нашей литературе изображение подлинного героизма, героизма наших дней, оставляющего далеко позади себя все величественное, что создавало человечество прошлых веков. Надо признаться, что наша литература еще в долгу перед нашей жизнью, что изумительные подвиги палатинцев, челюскинцев, хасановцев еще достойно не воспеты ни в одной великой поэме. Надо сознаться, что указания Горького о том, что мы должны уметь видеть романтику наших дней и нашей борьбы, еще не претворены в жизнь нашими писателями так, как мы этого ждем. Понятно поэтому, что театр не мог не ухватиться за такой пламенный образ воли и самоотвержения, каким предстает перед нами писатель Н. Островский в своей жизни, каким отчасти является изображенный им Павел Корчагин. Вот почему «Как закалялась сталь» — одна из любимейших ленинградским театральным зрителем советских постановок нашего театра.

Не могла не взволновать нас и героика лучших страниц жизни нашей родины. Этим объясняется, что мы остановили наш выбор на пьесе Гуса и Финна «Ключи Берлина», заставляющую зрителя вспомнить, как русские войска, даже предводительствуемые плохими и неспособными генералами, били апостола и бога современного фашизма — прусского короля Фридриха.

Шекспир был нашим учителем, но я никогда не хотел, чтобы актеры руководимого мною театра замыкались в нем, делая его как бы своей монопольной специальностью. Вот почему мы имеем возможность показать нашему белорусскому зрителю и глубокую по своей обличительной философии драму Ибсена «Привидения», с такой страшной конкретностью рисующую распад буржуазной семьи и морали, и солнечный смех замечательного итальянского писателя Гольдони в его «Слуге двух хозяев», и пламенную, страстную сатиру фонфизинского «Недоросля», неумирающего в яркости и юморе своих образов.

Театр имени Ленинградского совета — один из самых монолитных и самых сплоченных актерских коллективов нашей страны. В начале этой осени мы справляем десятилетний юбилей нашего существования. Основное ядро нашей труппы — это люди, никогда не знавшие других театров и других актерских коллективов, это люди, которые росли и создавали театр в непрестанной, совместной работе со своим руководителем. И мы особенно счастливы, что теперь, прожив эти десять лет горячей, порой трудной, но всегда радостной, совместной работы, мы имеем возможность выгнать с этим нашим творческим самоотчетом — а именно так смотрим мы на наши гастроли — перел трудящимися столицы нашей братской республики, что мы можем вынести на строгий, взыскательный и дружеский суд зрителей города Минска все то лучшее, что попытались мы создать за эти десять лет непрерывного нашего труда. Возможность показать наши спектакли трудящимся Советской Белоруссии мы ощущаем как одно из многочисленных проявлений мудрейшей сталинской национальной политики — дружбы народов, населяющих великую нашу родину.